

УДК 34(091).084.8

ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К РОССИЙСКОМУ КООПЕРАТИВНОМУ ДВИЖЕНИЮ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: i.n.konovalev@mail.ru

В статье анализируется отношение политических партий России к кооперативному движению на этапе его массового развития в начале XX века. В центре внимания автора партии социалистов-революционеров и кооперативных реформистов, которые проявляли наибольший интерес к кооперации. В меньшей степени кооперацией интересовались социал-демократы, кадеты и другие партии.

Ключевые слова: политические партии, кооперативное движение, кооперативный реформизм, рабочая и крестьянская кооперация.

The Attitude of Political Parties to the Russian Cooperative Movement at the Beginning of the XX Century

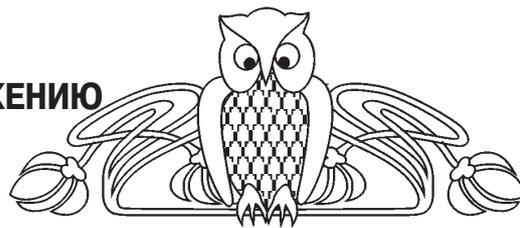
I. N. Konovalev

In the article, the attitude of political parties of Russia to the cooperative movement at a stage of its mass development at the beginning of the XX century is analyzed. In the center of the author's attention is the party of revolutionary socialists and cooperative reformists who were mostly interested in the cooperation and, to a lesser extent, social democrats, cadets and other parties.

Key words: political parties, cooperative movement, cooperative reformism, workers and peasants cooperation.

Вплоть до начала XX в. деятельность российской кооперации не выходила за рамки внутренних «материально-организационных» проблем. Во главе кооперативов и их союзов стояли либеральные, но вполне благонадежные по отношению к существующему строю земцы и сельская интеллигенция. Правительство через Государственный банк финансировало кооперативы, но в то же время держало их под наблюдением полиции и контролем инспекции мелкого кредита. Позже к кооперативному руководству начинают приходить более радикальные деятели, а сама кооперация – испытывать интерес со стороны различных партийных групп, от конституционных демократов до социал-демократов.

Повышение интереса к кооперативным учреждениям со стороны политических организаций наблюдается с середины 1900-х гг., когда кооперативное движение в деревне приобретает массовый характер. Наиболее активно использовали кооперативы в своих политических целях социалисты-революционеры, кооперативные реформисты и в несколько меньшей степени социал-демократы. Для кадетов и других буржуазных партий работа

в сельскохозяйственных кооперативах не представляла большого интереса и носила рекламный, эпизодический характер в форме думских запросов и выступлений.

Партия социалистов-революционеров большое внимание в своей стратегии и тактике уделяла крестьянской кооперации. Ее программа, составленная В. М. Черновым и принятая первым съездом в 1905 г., предусматривала, что «в вопросах общинного, муниципального и земского хозяйства партия будет стоять... за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических трудовых началах»¹.

Важным этапом в разработке кооперативной политики социалистов-революционеров стала первая общепартийная конференция в августе 1908 г. В ее резолюциях отмечалось, что «сельские организации эсеров должны работать в кооперативах, не давая захватывать их партиям и элементам, враждебным социализму». Конференция призвала членов партии «вступать в существующие кооперативы и вытеснять из них элементы, враждебные трудящемуся крестьянству... или, по крайней мере, парализовать их влияние на ход дела в кооперативных учреждениях». Особое внимание конференция обратила на образование сельскохозяйственных обществ малого района, дающих возможность трудящемуся населению спланироваться и организовываться². В извещении о пятом съезде совета партии социалистов-революционеров (1909 г.), прозвучавшем на конференции, отмечалось, что «необходимо установить более тесную связь между партийными товариществами, работающими в кооперативах, и партийными организациями»³.

Таким образом, первая общепартийная конференция социалистов-революционеров разработала в целом достаточно конкретную программу кооперативной политики в деревне. Трудовая кооперация, уверяли они, не уведет крестьян от демократии, не столкнет их с рабочими, но отвратит от стихийных неорганизованных выступлений, будет способствовать сплочению и накоплению сил. Не отрицая того, что кооперация может смягчить недовольство в деревне, они в то же время подчеркивали, что она своей повседневной практикой будет давать крестьянству достаточно поводов не забывать о коренном противоречии крестьянства с господствующими классами, так как сам рост кооперации «состоит в непрерывной борьбе с эксплуатацией»⁴.

После поражения в Первой русской революции (1905–1907 гг.) в партии эсеров одновременно с идейным начался и организационный кризис. В ее недрах возникли группы «инициативного меньшинства» и «Почин». Группа «инициативного меньшинства» была образована в Париже Я. Л. Делевским (Юделевским), (Волиным) и В. К. Агафоновым (Сиверским). Единственно эффективным средством политического освобождения России, на их взгляд, мог быть только террор, проводимый инициативным меньшинством, взгляды которого были подвергнуты резкой критике со стороны руководства эсеровской партии.

Группа «Почин» выражала настроения и взгляды противоположного, правого, крыла партии. Их разделяли видные члены партии, теоретики и практики кооперативного движения: А. В. Меркулов, Н. В. Чайковский, А. А. Николаев, В. А. Кильчевский, Е. С. Канчер. В июне 1912 г. группа выпустила первый и единственный номер одноименного журнала, в котором подробно излагалась платформа правых в кооперативном движении. В ней говорилось, что «партийная тактика в отношении кооперации во многом устарела и не отвечает требованиям действительности»⁵.

Позже секретарь заграничной делегации ЦК партии «починовец» И. Бунаков (И. И. Фундаминский) писал, что «эсеровская программа отводила большое место кооперации только после “земельного переворота” и явно недооценила ее бурного роста до этого момента, тем более в условиях политической реакции этот “общественный грех” народникам следует искупить. Они должны взять на себя роль идейного вдохновителя и практического вождя кооперативного движения. Старая формула народничества через земельную реформу к кооперации должна быть заменена новой: через кооперацию к земельной реформе...»⁶

В кооперативной политике эсеров особое значение придавалось использованию «легальных возможностей». Первостепенная роль отводилась «воссозданию различных форм кооперации».

Состояние кооперативов в значительно меньшей степени интересовало российских марксистов. Свое негативное отношение к кооперации в условиях капитализма они высказали в 1890-е годы. Тогда В. И. Ленин выступил с резкой критикой народников, видевших в крестьянских кооперативах самостоятельный путь социалистического преобразования сельского хозяйства: «различные формы улучшения, в том числе насаждение и развитие кооперативов, ничего существенно не изменяет, а, напротив – должны усилить и развить капиталистическое хозяйство»⁷.

Свои выводы о сущности крестьянской кооперации в условиях капитализма В. И. Ленин противопоставлял одновременно и воззрениям эсеров, которые поддерживали кооперативные идеи народничества. В работе «Революционный авантюризм» он критикует идею эсеров о том, что

в условиях капитализма возможно организовать коллективное ведение сельскохозяйственного производства, используя при этом в качестве одного из промежуточных звеньев на пути к «коллективизму» (то есть социализму) кооперативы⁸.

В работе «О продовольственном налоге» В. И. Ленин, как бы суммируя свои научные выводы о сущности сельскохозяйственной кооперации в условиях капитализма, снова подчеркивал, что «кооперация мелких товаропроизводителей... неизбежно порождает капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план “капиталистиков”, то есть сельских богачей, им дает наибольшую выгоду»⁹.

Таким образом, ни в 1907 г., ни значительно позже у левого крыла социал-демократов не было конструктивной программы развития кооперации. Многим из них было неясно, какое место она занимает в революционном движении. Лишь после проведения ЦК РСДРП в марте и апреле 1908 г. совещаний социал-демократов, работавших в кооперативах, картина несколько прояснилась. Партия выработала программу использования кооперации в антиправительственных целях. Однако ее члены обязывались принимать активное участие только в рабочих потребительских кооперативах. Вскоре между двумя партийными фракциями стали проявляться серьезные разногласия.

Обострение полемики по поводу работы в кооперации объяснялось усилением ликвидаторских тенденций среди меньшевиков. Основным камнем преткновения стал вопрос о принципе партийной нейтральности кооперативов, который выдвигался ликвидаторами и вызвал активное неприятие большевиков¹⁰. Другой причиной разногласий было то, что меньшевики видели в распространении кооперативов средство к организации масс. Большевики же считали, что если кооператив не носит «партийной окраски», то он является «даже вредным, так как способствует развитию буржуазных стремлений в населении»¹¹.

Впервые обстоятельная характеристика кооперативного движения была дана меньшевиками в московской газете «Столичное утро», которая напечатала статью Н. Валентинова «Проблема завтрашнего дня». К числу будущих проблем, требующих заблаговременного обсуждения, автор относил вопрос о кооперации в деревне. Он считал, что «ни для одной партии не могут быть безразличны явления, совершающиеся вокруг нее». По мнению Н. Валентинова, «кооперативное движение является экономически положительным и желательным фактором объединения индивидуальных крестьянских хозяйств»¹². Его точку зрения полностью разделяли меньшевики, ушедшие в годы реакции на работу в кооперативы – М. Л. Хейсин, В. Ф. Тотоминанц, Б. Р. Фроммет, Н. М. Орлов, Н. И. Лобанев, А. А. Зайцев и др. Большинство из них встали в дальнейшем на позиции кооперативного реформизма. Современные исследователи выделяют в

нем два основных направления – кооперативный социализм и кооперативизм (синдикализм)¹³. Кооперативный реформизм был наиболее развит в рабочих потребительских кооперативах и руководящих кооперативных органах. Несмотря на острую полемику по поводу нейтральности кооперативов между меньшевиками эсерами и кооперативистами, они активно сотрудничали во многих городских кооперативных организациях, МСПО, Отделении Комитета. Примером такого сотрудничества являлись совместная подготовка и проведение в 1913 г. совещания представителей потребительских обществ Петербургского района (Петербургская, Новгородская, Олонецкая, Псковская губернии и город С.-Петербург).

Программа совещания включала текущие вопросы кооперативной работы: обсуждение проекта устава союза потребительских обществ района, отношение местных земств к союзу, борьба с потребительским барышничеством. Накануне совещания организационная комиссия, в состав которой входили представители различных политических направлений: социалисты-революционеры-починовцы (А. В. Меркулов, Е. С. Канчер, Н. В. Чайковский), меньшевик-ликвидаторы (Б. Р. Фроммет, Н. И. Лобанев, Н. М. Орлов, А. А. Зайцев), кооперативные социалисты (С. Н. Прокопович, М. Л. Хейсин, В. Ф. Тотомианц), кооперативисты (А. С. Токарев, В. П. Варыбин, В. А. Поссе, П. П. Богданов-Шестенок), провела 8 заседаний. На них присутствовали члены комиссии и делегаты от обществ потребителей Петербургского района числом от 30 до 70 человек¹⁴. Охранное отделение и С.-Петербургский градоначальник Г. М. Драчевский считали, что «политические партии задалась целью объединить в союзе все потребительские общества Петербургского района, чтобы вести под его прикрытием пропаганду своих идей»¹⁵. Несмотря на противодействие полиции, под давлением Главного управления землеустройства и земледелия совещание было разрешено. Оно состоялось 30 декабря 1913 г. Итогом работы совещания явилось создание союза потребительских обществ Петербургского района. Выступая на нем, вернувшийся из псковской ссылки М. Л. Хейсин говорил, что «рабочая кооперация есть одна из форм классовой борьбы пролетариата за социализм». Другой докладчик – В. А. Поссе – призвал участников совещания к борьбе с «потребительским барышничеством»¹⁶. Однако большинство делегатов из провинции высказались против этого положения.

Особое внимание совещание уделило развитию крестьянской кооперации. В его заключительной резолюции отмечалось, что «крестьянская кооперация важна как единственно возможная в современных условиях форма организации крестьянства, так как она дает возможность встретить им начавшийся политический подъем нераспыленными, организованными и накопить

необходимый опыт в коллективном отстаивании своих нужд»¹⁷.

Кроме социалистических партий, к кооперации проявили интерес и некоторые буржуазные партии. Учитывая положительное общественное мнение относительно кооперации, а также ее экономическую силу, они внесли соответствующие изменения в свои программы.

Так, конституционно-демократическая партия и партия демократических реформ предусматривали «развитие мелкого кредита, установление условий, благоприятных для процветания кооперации, обществ, союзов и вообще всякого рода объединений, направленных на улучшение земледелия»¹⁸. Члены партии кадетов и демократических реформ, избранные в IV Государственную Думу, вошли в состав кооперативной группы и голосовали за новый кооперативный закон, предложенный кооператорами.

В 1914 г. депутат Думы лидер кадетов П. Н. Милюков встал на защиту новгородских кооператоров – членов партии С. Хлопова и Н. Чмутова. Они обвинялись начальником новгородского жандармского управления в организации в 1912 г. «крестьянских братств, целью которых являлось сплочение сознательных крестьян для борьбы с правительством и проведение в жизнь программы партии социалистов-революционеров». По указанию губернатора председатель правления Белозерского общества потребителей С. Хлопов и член правления Н. Чмутов были исключены из его состава. В результате ходатайства П. Н. Милюкова они были восстановлены в своих правах¹⁹. Однако систематической работы в кооперативах буржуазные партии, не имеющие прочной поддержки в деревне, не проводили.

В сравнении с рабочей кооперацией крестьянская кооперация была меньше втянута в политическую борьбу. Об этом свидетельствуют материалы Департамента полиции, губернских жандармских управлений, отчеты губернаторов. Если в губернских городах и тем более в столицах (Москве и Петербурге) уже к 1908–1910 гг. не было ни одного рабочего кооператива, соблюдающего «нейтралитет» или проповедующего невмешательство в политику, то в деревне основная масса крестьянства долгое время оставалась нейтральной. Этому во многом способствовала охранительная политика, проводимая правительством. Так, распоряжением товарища министра внутренних дел генерала Г. М. Курлова все полицейские ведомства с 5 апреля 1909 г. приступили к составлению поименных списков неблагонадежных лиц, вошедших в состав кооперативных правлений и советов. Одним из первых в регионе был проверен, считавшийся неблагонадежным, Новоузенский уезд Самарской губернии. Однако оказалось, что из 236 членов правлений и советов только 8 человек (3,3%) внушали сомнения в политической благонадежности²⁰. В Новгородской губернии насчитывалось 150 кооперативов с 736 членами.

Из них, по данным охранительного ведомства, 131(17,8%) представлял опасность для государства. Число неблагонадежных в составе правлений кооперативов не превышало 39 человек, или 5,3 % от общего количества членов²¹.

Подобные проверки в течение 1909–1910 гг. прошли в Пермской, Нижегородской, Казанской, Астраханской, Оренбургской, Вятской, Архангельской и других губерниях России. В случае непредставления списков полиция закрывала кооперативы. По итогам губернских проверок в марте 1911 г. директору Департамента полиции была подготовлена записка, в которой говорилось, что «деятельность сельских кооперативных учреждений, благодаря материальной заинтересованности участвующих в них крестьян, является чисто экономической. Политически неблагонадежные лица в составе кооперативов заметного влияния не имеют, и использовать общественные деньги на нелегальные цели вопреки воле благонадежного большинства не могут»²². Из общего числа 11432 зарегистрированных в стране кооперативных учреждений неблагонадежные лица имелись в 750 кооперативах (6,5%), что составляло не более 1560 человек, то есть по 2 человека на кооператив²³.

Таким образом, данный сюжет из истории политических партий и кооперации представляет несомненный интерес для исследователей. Он расширяет и дополняет наши представления о недостаточно известных аспектах деятельности партий и российской кооперации в начале XX века. Вместе с тем подтверждается мнение, что влияние партий на сельскохозяйственные кооперативы было эпизодическим. Для организационной и пропагандистской работы они в основном использовали кооперативные съезды и совещания, на которые со всех губерний России съезжались делегаты от различных кооперативных учреждений. Причем делегации от крестьянских кооперативов были самыми многочисленными. В кулуарах съездов проводились встречи, партийные совещания, распространялась нелегальная литература. Более планомерную работу в среде крестьянских кооперативов проводили социалисты-революционеры,

которые пытались использовать кооперативные учреждения в политических целях.

Примечания

- ¹ Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 110.
- ² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 7. Д. 575. Л. 133, 133 об.
- ³ Там же.
- ⁴ Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России. М., 1994. С. 173.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 119. Д. 376. Т. 1, ч. 1. Л. 181, 183.
- ⁶ Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 173.
- ⁷ Ленин В. И. «Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)» // Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. Т. 1. С. 243.
- ⁸ См.: Ленин В. И. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 396.
- ⁹ Ленин В. И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 225.
- ¹⁰ См.: Балдин К. Е. Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1993. С. 39.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 102. 1908. Д. 121. Л. 11.
- ¹² Валентинов Н. Проблема завтрашнего дня // Столичное утро. 1907. 6 окт.
- ¹³ См.: Балдин К. Е. Указ. соч. С. 39, 40.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 262. Л. 1, 2, 5; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 16 (1). Л. 9, 9 об.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 16 (1). Л. 9 об.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 262. Л. 40 об., 41.
- ¹⁷ Там же. Л. 40 об.
- ¹⁸ Программы политических партий и организаций в России конца XIX – начала XX вв. Ростов н/Д, 1992. С. 65.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 154. Л. 11, 18 об.
- ²⁰ Там же. 1908. Д. 121. Т. 3, ч. 2. Л. 144.
- ²¹ Там же. Л. 272.
- ²² Там же. Оп. 119. Д. 376. Т. 2, ч. 1. Л. 64 об., 65.
- ²³ Там же. Л. 71, 71 об.

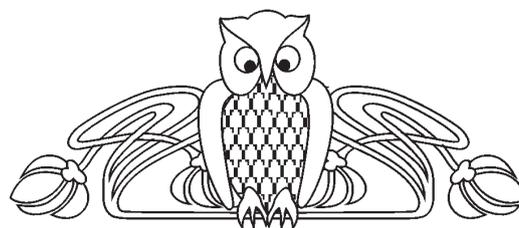
УДК 94(100)»1914/19»

500-ЛЕТИЕ СО ДНЯ ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ ЯНА ГУСА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galyamichev57@mail.ru

Автор статьи рассматривает особенности восприятия русским обществом наследия великого чешского мыслителя Яна Гуса

в годы Первой мировой войны и выявляет причины резкого всплеска интереса к его личности и учению в России в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: Ян Гус, Первая мировая война, русское общество.